

Отклонения в Мариинке

Там состоялся "Выход Ахиллеса"

Перед сытным балетным сезоном Мариинский театр подал зрителям острую закуску — английский физический театр DV8 с балетом "Выход Ахиллеса".

Хорошо, что хореографам не верят на слово. Иначе от гостей ждали бы примерно следующего: радикального действия (в названии труппы зашифровано английское "дивизит" — отклоняться) в духе барочных балетов-выходов (их заставляет вообразить название самого опуса), помноженных на эстетику советской хореодрамы ("Наша хореография — это стилизованные естественные движения человека, изначально несущие в себе конкретный смысл", — заявляет балетмейстер Ллойд Ньюсон).

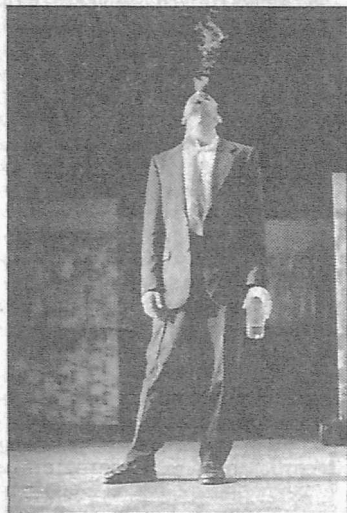
Прогноз не оправдался. Англичане предложили добротный вариант танцтеатра, приправленный невиданными в Петербурге фокусами вроде надувных кукол из секс-шопа, голых задниц и разливаемого по сцене пива. Каждый из восьми героев — заложник агрессивной круговой поруки "настоящих мужчин". И паб, где разворачивается действие, превращается в мышеловку. В общем, традиционная балетная публицистика, превращающая отвратительную или устрашающую наглядность поглощения "естественных движений" в условие игры.

Реакция непуганой мариинской публики оказалась едва ли не самым интересным "компонентом" спектакля. Несложный коктейль, предложенный Ньюсоном, сшибал с ног. Грубоватые шутки "ниже пояса", которыми прошит балет, возвели почти неодолимый барьер между сценой и залом. Иные зрители, оскорбленно скрипнув стульями, удалялись посреди спектакля с гордым "Этому не место в Мариинском театре" (мотив понятен: пригласили в храм, наплевали в душу). Оставшиеся — их было все же большинство — реагировали с детской непосредственностью: хохотали, аплодировали за удачный

трюк, топали от избытка чувств. Казалось, со сцены тянуло запахом опилок, и в Мариинке разыграли гены архитектурного предка — театра-цирка. Происходило то, что обычно называют "непрофессиональной реакцией".

Главный вопрос напрашивается сам собой. Что все-таки более непристойно в "храмах", подобных Мариинскому, — провинциально убогие танцы и бессмысленные редакционные "священной" классики или работы, отменяющие пресловутые правила хорошего тона? Петербургская публика ответила со всей определенностью, продемонстрировав, что в 98-м году находится приблизительно на уровне парижской 1912-го, скандализованной "Фавном" Нижинского. (Другого рода параллели между "Фавном" и "Ахиллесом" проводить не надо.) Прямо скажем, неутешительно.

Юлия ЯКОВЛЕВА
Санкт-Петербург

**Мариинские пожарные
запретили танцовщикам
курить на сцене — пока
только это**

Кукла — 1998. — 1-й окт. — с. 9